

Торговцы памятью.

Автор: Administrator
28.11.2008 00:00

Торговцы памятью.

Владимир Гондусов.

Фронтовые «треугольники», конверты, открытки и даже «похоронки» имеют не только историческую, но и рыночную ценность. Цены - от ста до 50-60 тысяч рублей. Дороже всего ценятся редкости - записка Сталина или письмо маршала Жукова. Впрочем, в цене любые автографы полководцев. Ценными считаются письма с передовой крупных исторических сражений: Курская дуга, битва за Сталинград, оборона Москвы, взятие Берлина...

Обо всем этом мне рассказал Валерий Петров, обладатель уникальной коллекции военно-полевой почты. Он - выпускник столичного химико-технологического института им. Менделеева. В 1987 году создал и возглавил ЗАО «Полиграфическое предприятие «Вымпел». В его собрании - фронтовые «треугольники», «секретки» со штампом «проверено военной цензурой», открытки...

«Таких коллекций по военной тематике, как моя, в России не более десятка, но по количеству имен крупных военачальников, Героев Советского Союза у меня, рискну сказать, лучшая коллекция в стране», - говорит Валерий Моисеевич. В его собрании - полторы сотни писем известных военачальников, легендарных бойцов и командиров - Георгия Жукова и Константина Рокоссовского, Дмитрия Карбышева и Николая Гастелло, Дмитрия Медведева и Ивана Конышева, Цезаря Куникова и Рубена Ибаррури, Тимура Фрунзе и Веры Хоружей, весточки из партизанских отрядов Петра Вершигоры и Сидора Ковпака...

Петров неохотно обсуждал материальную сторону дела. Считает, что всем коллекционерам приходится приносить жертвы на алтарь своей любви, потому что страсть к собирательству - это легкая степень помешательства, которая при всем том дает немало радости и делает жизнь более содержательной и осмысленной. Упомянул лишь о том, что началась его необычная коллекция с документов семьи Зои Космодемьянской. Более десяти лет назад Петров узнал, что уникальные документы

собирается приобрести немецкий кол-лекционер, вот и решил их выкупить. Обидно стало за державу. Деньги пришлось занимать...

Коллекцию Петров пополнял так: находил письма через знакомых, выменивал, получал в подарок от ветеранов, покупал на разных блошиных рынках, где порой попадаются невероятные вещи. Там, к примеру, продавался однажды архив одного из руководителей нашей разведки.

Слова о «блошиных рынках», признаться, меня удивили. Давно слышан о том, что на известном не только в столице «Вернисаже» в Измайлово торгуют военной атрибутикой. Но, выясняется, «хит последних сезонов» - фронтовые письма. Пять солдатских «треугольников» - 500 рублей, в комплекте с «похоронкой» - дороже!

Впрочем, солдатские весточки всегда имели цену. Нет, не рыночную - нравственную.

Москвичка Анна Георгиевна Смирнова в годы войны служила на почтамте: «С первых дней войны сразу же выросло поступление письменной корреспонденции, а с 1942 года почта поступала тоннами. Мы понимали, что за каждым письмом стоит человек, это наши защитники - солдаты, их матери, жены, сестры, невесты. Поэтому на сортировку и отправку писем приглашали всех и вся. Часок-другой отдохнем, а опять за дело...

Графики работ на участках были составлены по 12 часов в день и ночь. Но никому из нас и в голову не приходило считать время, отработанное по графику...»

На Сталинградском фронте было несколько полевых почтовых станций. О работе одной из них рассказала Светлана Васильевна Гуляева: «Нас было пять девушек и один солдат - водитель почтовой полуторки? Тесное помещение станции осенью-зимой 1942-1943 года было одновременно и операторской, и казармой, и кухней. Работали круглые сутки, ожидая почтальонов из частей. Когда обстановка требовала, каждый становился номером боевого расчета. Случалось, что почтальон под обстрелом не доходил до станции, тогда девушки сами добивались до частей, не получивших почту».

Задержка корреспонденции или засылка ее не по назначению расценивались почтовыми органами как должностное преступление. Для военных почт по последствиям это было как приказ «Ни шагу назад!» на передовой. Знаменательно, что за первые семь месяцев войны Государственный комитет обороны принял три решения, направленных на улучшение продвижения воинской корреспонденции.

В частности, запрещалось использовать почтовый транспорт для военных и хозяйственных потребностей, разрешалось прицеплять почтовые вагоны ко всем видам поездов, даже к воинским эшелонам. С 1 марта 1942 года на все постпакеты и мешки с военной почтой крепились отличительные адресные ярлыки «Воинский», и они отправлялись в первую очередь. Отмечая огромное значение почты для поддержания духа воинов на фронте и рабочих в тылу, главная в то время газета страны «Правда» 18 августа 1941 года отмечала: «Важно, чтобы письмо бойца родным, письма и посылки бойцам, которые идут со всех концов страны, не задерживались по вине связистов. Каждое такое письмо, каждая такая посылка именем отцов, матерей, братьев и сестер, родных и знакомых, именем всего советского народа вливают новые силы в бойца, вдохновляют его на новые подвиги».

Большого мужества требовала доставка корреспонденции с полевых почтовых станций в передовые подразделения и на корабли. Нередко путь почтальона к блиндажам и окопам составлял десятки километров и проходил под пулями врага.

Так что цену писем на войне знали все! Их ждали, много раз перечитывали, заучивая наизусть.

Их сейчас все меньше, российских семей, где еще хранятся пожелтевшие от времени, истонченные в местах сгибов, исписанные, как правило, химическим карандашом листочки с поблекшими штампами полевой почты и отметками военной цензуры. Река времени унесла громадное количество военной корреспонденции, и то, что сохранилось - на самом деле крохи, клочки. Их осталось меньше, чем военная почта обрабатывала за один день. Напомним, что тогда в действующую армию доставлялось ежемесячно до 70 миллионов писем. Солдатский «треугольник» давно стал в нашей стране символом той грозной эпохи. Тогда много не хватало, и конвертов тоже. В такой обстановке и родился «треугольник». Народ прозвал его солдатским, но и многие офицеры присылал домой письма, сложенные треугольником. Можно лишь удивляться, что такие, непрочные на первый взгляд, «одноразовые» листочки бумаги, проделавшие в свое время большой и опасный путь, побывавшие в разных руках, так хорошо сохранились. Почти все отправители этих писем погибли в бою или умерли уже после

По-беда. Людей нет, а строчки, нака-рябанные на ходу или любовно вы-веденные где-нибудь в землянке или окопе в краткие минуты зати-шья между боями, остались невре-димы. И невозможно равнодушно читать эти проникновенные стро-ки, обращенные к жене и другим членам семьи от человека, чья жизнь могла оборваться в любую минуту, и каждое письмо могло оказаться последним.

Муслим Магомаев в своих вос-поминаниях рассказывает о пись-ме с фронта своего отца. Ему должны были прочитать его в день совершеннолетия: «Сегодня день рождения моего сына. Что же ему пожелать? Конечно, многих, мно-гих лет счастливой, радостной жизни, но пусть его жизнь будет заполнена полезным трудом для человечества, как была заполнена жизнь того, чье имя он носит. Пусть он научится пламенно лю-бить все хорошее, но пусть и умеет всей душой ненавидеть тех, кто станет на дороге нашего счастья. Пусть он с ранних лет познает ис-торию этой кровопролитной вой-ны, которую затеяли варвары-немцы. Пусть он высоко чтит память тех, кто доблестно дрался за независимость вот таких крохотных, как он, детей, за счастье всего народа и отдал свою жизнь без сожаления - за них. Пусть одно слово «фашизм» вызывает в нём ненависть, презрение. Ну и пусть знает, что его отец любит его и будет любить до последнего вздоха, и если ему придётся умирать, то умрёт он с его именем на устах. Вот и всё, что я хотел ему пожелать.

С приветом, ваш Магомет».

И вот теперь пожелтевшие сол-датские треугольники стали объ-ектом торговли. Их основными по-купателями являются иностран-ные музеи и частные коллекцио-неры, чаще всего - из ФРГ. Имен-но немцы, по мнению Валерия Петрова, наиболее бережно отно-сятся к памяти о той войне, где по обе линии фронта в нечеловече-ских условиях сражались люди, которые на разных языках писали домой почти одинаково скупые письма, а еще чаще - открытки. К слову, и тем, и другим не многое позволялось писать: любую кор-респонденцию проверяла военная-ф цензура. Об этом Валерий Моисее-вич знает не понаслышке: он под-держивает тесные связи не только с отечественными, но и с зарубеж-ными коллекционерами, получает аукционные каталоги из Герма-нии, Швейцарии и США и хорошо знает, что почтовые отправления из России уходят за границу прак-тически за бесценок.

Меккой коллекционеров, соби-рающих все, что связано со Второй мировой войной, в том числе и почтовые отправления, давно счи-тается Измайловский «Вернисаж». Убедился в этом сам. Нашел фронтовую переписку и в длин-ных рядах, рядом с матрешками и шкатулками, самоварами и поче-му-то - множеством подстаканни-ков, и на веранде, где

торгуют от-кровенным старьем. Листал аль-бомчики с фронтовыми письмами и открытками. Продается все открыто. Письма и открытки за две-три сотни рублей, но иная весточка с передовой тянет и на 2000 рублей. Но это для соотечественников - иностранцы платят больше. Если о взятии Берлина, то немцы денег не жалеют. Раритет ведь!

Продают не только письма. Тор-гуют всем, что связано с военным временем, начиная от санитарных книжек раненых бойцов и закан-чивая «похоронками» и фотогра-фиями с фронта как нашими, так и немецкими.

В тот день на «Вернисаже» не спрашивал имена тех, кто торгует фронтовыми весточками. Вряд ли эти люди сами доставляют пере-писку к прилавку. Но услышал разговор покупателя с женщиной, которая пообещала выполнить его просьбу. Сказала о том, что скоро «экспедиция» отправляется в глу-бинку России и привезет военную переписку.

Знаю о таких «экспедициях». Ездят группы по деревням и се-лам, влезают в доверие к жите-лям, скупают у них старье за су-щие копейки, а на рынке продают в пять, а то и в десять раз дороже. «Понимаете, - говорит один из продавцов, - там есть уникальные вещи. И нам жалко, что они забро-шены на чердаки, гниют и портят-ся. Многие бабки давно забыли об этом хламе, а у людей все это поль-зуется большим спросом, и они го-товы платить любые деньги».

Впрочем, «экспедиции» те рыс-кают и по столице. К группе вете-ранов приходили люди, представ-лялись сотрудниками префектуры или музея и просили дать им пись-ма «на время». Якобы для иллюст-рации книги или музейной экспо-зиции. Письма обещали вернуть. Увы... В милицию фронтовики не обращались. Одни - по состоянию здоровья, другие просто не верят, что письма в итоге найдут, а тре-тьи продолжают ждать чуда, что им все-таки принесут их письма. Другим предлагают деньги. «Членам семей многих маршалов, в том числе вдовам Александра Покрышкина и Ивана Кожедуба не раз делались предложения продать семейные архивы и письма за весьма значительные суммы, - го-ворит начальник научно-просве-тительского отдела Центрального музея Вооруженных сил Ольга Ти-хомирова. — В почтовые ящики их квартир не раз кидали специаль-ные открытки с подобными пред-ложениями».

На селе «треугольники» и дру-гую переписку скупают за бесце-нок: пенсионеры - люди

небога-тые, несколько сотен для них - не лишние. Иную бабушку хватил бы удар, если б она узнала, какую це-ну приобретают на рынке ее по-желтевшие бумаги.

Иные раритеты попросту кра-дут. Вот и появляются в милицей-ских сводках такие сообщения: «В городе Видное Московской облас-ти задержаны два молодых чело-века. Они под видом работников местного собеса проникали в квар-тиры пенсионеров и ветеранов войны. Пока один отвлекал стари-ков, второй искал в шкафах ста-рые письма». Как выяснили опе-ративники, интерес для похитите-лей представляли именно военные «треугольники», которые они че-рез посредников затем продавали коллекционерам в Германии. Пой-мали их совершенно случайно: об-ворованная ранее пенсионерка увидела, как эти двое вновь вошли в ее подъезд - видимо, к очередной жертве. Старушка, не долго ду-мая, позвонила в милицию.

По данным милиции, в стране действуют десятки подобных «охотников», промышляющих на доставке фронтовых писем торгов-цам.

С каждым годом бизнес по про-даже нашей памяти становится прибыльнее. Очевидцев войны ведь становится всё меньше, и вещи, которые относятся к той великой эпохе, дорожают с каждым днём. За последние 10-15 лет проданы тонны писем и документов. Они уходили с прилавков чуть ли не бутылку водки, что подтверждают и сами коллекционеры. В свое время они скупали товар пачками за дешевую водку, а за-тем продавали иностранцам за доллары. Хорошее было время, го-ворят они. Жалеют только, что все быстро распродали. Сейчас эти письма можно было сбыть гораздо дороже.

В последние два-три года к лот-кам торговцев потянулись внуки и правнуки фронтовиков. Продают память уже не за водку - за рубли. А если кто и принес ворованные, то доказать это трудно: ведь не боевые награды, а всего лишь ка-кие-то письма.

Эту бойкую торговлю памятью вряд ли возможно взять под кон-троль. И милиция здесь ни при чем. Да и масштабы торговли па-мятью таковы, что не охватить. «Вернисаж» - не единственная точка в Москве, где можно свобод-но купить письма бойцов и коман-диров. Есть еще купля-продажа через проверенных друзей и зна-комых или через Интернет, где достаточно сайтов для коллекцио-неров военной почты. Так что от-ношение к памяти - скорее, дело совести каждого из нас.